

Нелли Ли и Сергей Мальцев — совершенная акустическая система

Гений на двоих

Нелли Ли и Сергей Мальцев в Петербурге

Этот вечер можно было бы озаглавить так: «Русско-французские соответствия». Первое отделение составили романсы Дебюсси, в том числе «Забывшие ариетты» на стихи Верлена. Второе — по пять миниатюр Глинки и Римского-Корсакова. Концерт был посвящен памяти Марии Карандашовой — выдающейся пианистки и педагога, ансамблевого партнера Михаила Ваймана. На днях ей исполнилось бы 80 лет.

Собственно, чистое время концерта пошло, едва певица явилась на сцену — так скульптурно выразительна была ее фигура в черно-оранжевом. Живя на подмостках, Ли доподлинно знает, как покорить публику, еще не открывая рта. А открыв его, словно воспеть собственное облачение. Казалось, звук и впрямь был черно-оранжевым, а ля Дега, или на кого там еще засматривался передовой юноша Клод-Ашиль. Тогда же он увлекался русской музыкой, так что спеть десять его романсов настолько по-русски (почти натуральное французское произношение не в счет) было очень логично.

«Русскость» легко произошла от внимания к мельчайшему жесту — основе галльского вокала. «Балет с пением» продолжался до антракта, и это был особый балет. Темпы осажены, каждая фраза выделена специально. И в печальном «Экстазе», и в гедонистическом «Китайском ронделе» (где пианист Мальцев насмешливо передразнивал вокальную трель), и в свежей «Тени деревьев», и в усталом «Сплине». «Карусель» из «Забывших ариетт» стала самым цветным номером. Разность тональностей куплетов Ли усугубила разностью окраски звука, и картинка действительно вспыхнула. Тембровая подвижность ее голоса приближается к подвижности мимики хорошего драматического актера — или изменчивости речитации Александра Вертинского: пока летит единый слог, певица успевает развернуться на 180 градусов; такой вот внутренний балет. Все вместе это дает взгляд на музыкальный текст, будто сквозь увеличительное стекло. Нотные головки превращаются в (смачно) говорящие головы, замечаешь шероховатость бумаги от скупого прижиз-

ненного издателя. Аффект, как ни странно, — отчаяние. В голосе оно просто есть, и это единственное, чего Нелли Ли не может изменить. Страдание по умолчанию.

Если во французской части программы постоянно слышался иноязычный акцент, то в пяти романсах Глинки и пяти Римского-Корсакова все особенности исполнительского поведения певицы совпали с авторскими намерениями абсолютно. Очень изящно выстроена была сама последовательность романсов. Кургузный Михаил Иванович просил не искушать его без нужды, потом сказать за чем; потом вспомнил и как сладко, и известное мгновенье. А закончил полуминутным «Признанием», как бы поясняющим: шутка. Не то природовед Николай Андреевич. Амур у него тужур среди нимф, плененных розой соловьев, ветров с высоты и жаворонков. Все это великолепие разрешилось монументальным холстом «Редет облаков летучая гряда...», сильно укрупнившим предыдущие этюды. Чувство, скрываемое в любовной лирике Глинки — вокально скрываемое, — открыто излилось, наконец, на корсаковском пленэре.

Но едва ли не больше, чем Нелли Ли, в совместном триумфе повинен Сергей Мальцев. Говорящий черный ящик весь концерт был вещью в себе, противоречил «понятности» поощающегося слова — именно тем, что воспроизводил его буквально, но с молоточковым акцентом. Все, что обольстительная актриса Ли может голосом, суровый затворник Мальцев может на рояле. Мнимая немота инструмента сопровождала мнимую общительность голоса. «Сама музыка» была где-то между: стереоэффект, когда два динамика работают ради третьего, не существующего точно посередине. Дуэт Ли — Мальцев есть совершенная акустическая система.

Без четырех бисов концерт был бы не полон. Господа! Ваш корреспондент — не пожилой и не сентиментальный авангардист — плакал при звуках «Пробуждения» Форе и «Музы» Рахманинова. И вроде не скажешь, что музыка навевала...

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ

Русский Телеграф, 1998,
— 26 февр. — с. 10

99